

Дин Сяовэй обнаружил, что господин Чжоу, действительно не считал себя посторонним в их доме.

Он пробыл у них до десяти часов вечера и не спешил уходить.

В это время на улице пошел сильный дождь. Жун Хуа нахмурилась, посмотрев в окно и с беспокойством произнесла: «Такой сильный дождь, я не знаю, когда он прекратится».

Чжоу Цзиньсин также обеспокоенно сказал: «Какое совпадение, почему именно сейчас пошел дождь? В это время и в такую погоду я не смогу найти такси. Как же мне возвращаться?».

Дин Сяовэй фыркнул: «Разве у босса Чжоу нет водителя?»

Чжоу Цзиньсин улыбнулся: «Мой водитель не молод, поэтому мне неловко заставлять его забирать меня в это время. Забудьте об этом, я вернусь самостоятельно, не такое это большое дело».

Жун Хуа поспешно сказала: «Не делайте этого, даже если вы воспользуетесь зонтом в такую погоду, то все равно промокните и скорее всего простудитесь. Ветер такой сильный, это опасно. Господин Чжоу, зачем вам уходить? Разве вы не можете остаться здесь сегодня вечером? Ложитесь здесь с Сяовеем, а я спущусь вниз к сыну».

Дин Сяовэй взорвался: «Не за что!»

Жун Хуа была поражена его реакцией.

Чжоу Цзиньсин сказал: «Это все доставит вам много хлопот, Дин также может счесть это неудобным. Не имеет значения, невестка, вам просто нужно одолжить мой зонт».

Жун Хуа неодобрительно взглянула на Дин Сяовея.

Этим вечером она обнаружила, что Дин Сяовэй, похоже, не рад встречи с Чжоу Цзиньсином. Ей было неизвестно, что между ними произошло, но, глядя на отношение и поведение Чжоу Цзиньсина, ей показалось, что Дин Сяовэй недостаточно великодушен. Она подумала, что Сяовэй возможно немного завидует Чжоу Цзиньсину. В конце концов, его друг, судя по всему, зарабатывает намного больше, да и выглядит лучше, чем он сам, что весьма некрасиво.

Но Жун Хуа надеялась, что Дин Сяовэй сможет извлечь выгоду из этого друга. Во-первых, Чжоу Цзиньсин - хороший человек, а во-вторых, с первого взгляда видно, что он преуспевает. Дети вырастут и им может понадобится помощь при поиске работы, надо поддерживать дружеские отношения с такими людьми, как Цзиньсин.

Жун Хуа поспешно заверила его: «Ничего страшного, оставайтесь. Иначе, как мы можем быть уверены, что вы благополучно доберетесь до дома? Вы видите, что Лин Лин не хочет, что бы вы уходили, и дождь усиливается. Забудьте об этом, оставайтесь, вы и Сяовэй сможете еще поговорить».

Если бы не тусклый свет, Жун Хуа, должна была увидеть, как лицо Дин Сяовэй побледнело, после ее слов.

Дину было неудобно накидываться на Цзиньсина перед Жун Хуа, да, и перед детьми тоже. Поэтому он не мог остановить это представление.

После неоднократных просьб и уговоров Жун Хуа, Чжоу Цзиньсин, наконец, «неохотно» согласился остаться у них сегодня ночью.

Жун Хуа немедленно приготовила новое постельное белье и одеяло на кровать для Чжоу Цзиньсина, и нашла ему чистое полотенце и зубную щетку.

Цзиньсин оставался с Лин Лин, пока она не заснула, а Жун Хуа не отправилась вниз к Жун Цзя. Все разошлись в мгновение ока, оставив Дин Сяовэя и Чжоу Цзиньсина наедине.

Дин холодно посмотрел на него: «Хорошо, просто здорово».

Чжоу Цзиньсин улыбнулся: «Гэ Дин, мы наконец можем поговорить спокойно».

«Что я могу тебе сказать, моя жена ушла, а ты можешь убираться».

Цзиньсин посмотрел на проливной дождь за окном: «Гэ Дин, дождь такой сильный, ты правда собираешься меня выгнать в такую погоду?»

«Неважно, насколько сильный дождь, он не может тебя убить, уходи», - Дин Сяовэй вытащил зонтик из обувного шкафа и протянул его Чжоу Цзиньсину.

Но тот лишь улыбнулся: «Я пообещал Лин Лин приготовить ей булочки, в виде кроликов завтра утром, и поиграть с ней в головоломки. Если я уйду сейчас, я должен буду завтра с самого утра бежать к вам, это так не удобно».

Мускулы на лице Дин Сяовэя дернулись, он яростно швырнул зонтик на пол, и крикнул: «Какого черта ты делаешь в моем доме?»

Чжоу Цзиньсин откровенно сказал: «Я хотел увидеться с Лин Лин, я думаю, я сильно скучал по девочке. Кроме того, я хочу лично извиниться за то, что наговорил в прошлый раз».

"Мне не нужны твои извинения, и я не хочу, чтобы ты виделся с Лин Лин. Лин Лин почти забыла тебя. Если ты опять ее бросишь, она снова будет переживать. Ты поиграешь с моей дочерью, верно? А она снова будет плакать после того, как ты уйдешь ".

Чжоу Цзиньсин мягко сказал: «Я буду часто навещать ее в будущем».

Дин Сяовэй отругал его: «Кто, черт возьми, просит тебя часто навещать ее, я говорю тебе, чтобы ты больше не приходил!»

Выражение лица Чжоу Цзиньсина стало печальным. Он поднял зонтик с пола и прошептал: «Гэ Дин, я не имел в виду ничего другого, просто хотел прийти и увидеть вас. Раз ты меня так ненавидишь, тогда я пойду. "

Дин Сяовэй воскликнул: «Ладно, готовь свои кроличьи булочки и правильно попрощайся с Лин Лин, завтра утром».

Чжоу Цзиньсин улыбнулся.

Дин Сяовэй вошел в спальню с раздражением достал стеганое одеяло, которое приготовила Жун Хуа, и бросил его на диван: «Ты можешь спать здесь».

Чжоу Цзиньсин не выразил недовольства: «Я могу воспользоваться ванной?».

Дин Сяовэй перестал обращать на него внимание, развернулся и пошел в спальню.

Ванная комната находилась рядом с гостиной, из нее было две двери, одна из которых вела в спальню Дин Сяовэя. После того, как Чжоу Цзиньсин пошел внутрь, оттуда послышался звук льющейся воды.

Дин Сяовэй смотрел на яркий свет, проникающий сквозь матовое стекло в двери ванной, с иллюзией вернувшегося прошлого.

Сколько раз он лежал на кровати, ожидая, когда Чжоу Цзиньсин выйдет из душа, в одном полотенце, с влажными волосами. Они оба перекатывались по этой кровати, целуясь и неистово касаясь друг друга. Ведь хватало небольшого намека, и желание, в одно мгновение, охватывало их обоих, с силой, способной разжечь огонь в степи. После скольких ночей у него на утро хрипел голос, а ноги были ватными, но он был очень счастлив.

Когда он был с Чжоу Цзиньсином, он мог испытать такой жесткий и яркий секс, заставляющий все тело гореть. Такого он не получал ни с одной женщиной.

Он не осмеливался думать об этом, промелькнувшие воспоминания заставили его тело

среагировать, и он не мог это контролировать.

Дин Сяовэй теперь чувствовал напряжение внизу живота. Он взял чашку и сделал глоток воды, затем накрыл голову одеялом, отчаянно представляя голубое небо и белые облака, зеленую траву и ясное небо, мимо проскакал конь, топча траву.

Пока он думал об этом, дверь в ванную с грохотом распахнулась.

Сердце Дин Сяовэя отчаянно подпрыгнуло, вслед за его птицей.

Все повторялось, как несколько месяцев назад, а привычка - ужасная вещь.

Дин Сяовэй слышал шаги Чжоу Цзиньсина и чувствовал, как сильно бьется его сердце, отдаваясь в ушах.

«Гэ Дин ...» Чжоу Цзиньсин положил руку на одеяло.

Дин Сяовэй резко разжал руку и откинул одеяло, после чего чуть не взорвался.

Первое, что бросилось в глаза, был дружок Чжоу Цзиньсина, с которым он был хорошо знаком.

Дин Сяовэй яростно отпрянул, его лицо было перекошено: «Бля, ты, какого черта ты хочешь!»

В отличие от паникующего Дина, Цзиньсин был особенно спокоен, с улыбкой, вспыхнувшей в его глазах, он спросил: «Дин Гэ, я хочу позаимствовать у тебя нижнее белье».

Дин Сяовэй покраснел и грубо взревел: «Иди и найди сам в шкафу!»

Чжоу Цзиньсин пожал плечами и стал рыться в шкафу. Он поднял руку и вытащил его, затем повернулся к Дин Сяовэю и неоднозначно улыбнулся: «Я сам выбирал это для тебя, я до сих пор это помню».

Глаза Дина старались не смотреть на него: «Забирай и убирайся».

Чжоу Цзиньсин медленно надел нижнее белье и с улыбкой сказал: «Гэ Дин, почему ты все еще стесняешься? На мой взгляд, тебе странно быть застенчивым. Кроме того, ты видел меня таким много раз».

Дин Сяовэй сложил одеяло складками на бедрах, опасаясь, что Цзиньсин что-то обнаружит.

Восемь кубиков на животе Чжоу Цзиньсина, его узкая талия, стройные ягодицы и сильные бедра чертовски хороши. Они, двое, были столько раз вместе. Как мог человек с прекрасным здоровьем по имени Дин Сяовэй выдержать такое искушение?

Чжоу Цзиньсин надел нижнее белье, но не ушел. Вместо этого он вернулся к кровати и с улыбкой посмотрел на Дин Сяовея. Глаза Циньсина шарили взад и вперед по его груди, шее. Наконец, он заговорил, его голос завораживал: «Дин Ге, давай сделаем это еще раз, ты ведь не мог ничего забыть. Ты хочешь это сделать? Я так тебя хочу ».

В тот день, когда Чжоу Цзиньсин, за помощь Сяо Чжаню, попросил его переспать с ним, Дин испытывал только стыд и злость. Но когда Чжоу Цзиньсин, так откровенно умолял его, он признал, что испытывал искушение.

Почему он не может, не реагировать? У каждого человека есть глубоко загнанные желания, которые соблазняют его.

Глядя на красивое тело перед ним, голова Дин Сяовэя пошла кругом.

Увидев, что он хмурится и ничего не говорит, Чжоу Цзиньсин слегка поклонился, и жар его губ коснулся лица Дин Сяовея. Его голос был чрезвычайно сексуальным: «Хочешь?»

Дин Сяовэй чувствовал, что в его теле, слишком много крови, которая распределилась не правильно, например прилила к лицу, к голове, например ...

Увидев обманчиво мягкое лицо Чжоу Цзиньсина, так близко, Дин Сяовэй закрыл глаза и дал ему пощечину.

Цзиньсин растерялся, он наклонил голову, в его глазах было недоверие.

Дин тоже не мог в это поверить: он никогда раньше не бил так мужчин, выглядело, словно он оскорбленная девушка.

Чжоу Цзиньсин опустил голову, затем выпрямился, в его глазах было немного злости, смущения и эмоций, которые Дин Сяовэй не мог понять.

Руки Дина дрожали, а его голос хрипел: «Чжоу Цзиньсин, будь проклят. Разве твой отец не у власти? Никто не может контролировать тебя сейчас. Что бы ты ни хотел, ищи это в другом месте. Не приходи ко мне. У меня есть жена и дети. Я спокойно живу, своей обычной жизнью. Я не такой, как ты. Просто отнесись ко мне так, будто я не достоин тебя. Ты мне не нужен. Уходи».

Чжоу Цзиньсин молча смотрел на него, в его глазах вспыхнуло яростное пламя, но оно было мимолетным.

Он кивнул, и слегка улыбнулся: «Дин Гэ такой ответственный человек, я действительно восхищаюсь ... Я был неправ сейчас, я пошел спать». Сказав это, он повернулся и вышел.

Дин ждал, когда за ним закроется дверь спальни.

Потом он глубоко вздохнул и тяжело лег на кровать.

В его голове, как вращающийся фонарь, вспыхивали бесчисленные бессмысленные образы, от которых у него кружилась голова.

Он сунул руку под одеяло, взял своего горячего друга и помог ему.

Перед ним промелькнуло много излишних сцен с ним и Чжоу Цзиньсином. Дин не мог понять, как он мог быть таким смелым в то время, он осмеливался на любые позы или движения. Он не мог не признать, это было чертовски здорово и ужасно - делать это с Чжоу Цзиньсином.

Что касается того, что случилось между ним и Чжоу Цзиньсином сегодня, он не чувствовал себя виноватым. Наоборот Дин решил, что у него прекрасная сила воли. Он понимал, что действительно хотел поддаться искушению, но в конце концов победил его.

В мире есть не так много людей, которые могут это сделать.

Более того, белое красивое тело было прямо перед ним, надо было только руку протянуть. А он устоял перед таким огромным искушением, Дин Сяовэй восхищался самим собой.

Дин плохо спал этой ночью. Было воскресенье и он мог бы спать допоздна, а встал рано утром.

Чжоу Цзиньсин поднялся раньше, чем он, Дин Сяовэй почувствовал запах завтрака через щель в двери.

Он был очень несчастен в глубине души. Несколько месяцев назад Чжоу Цзиньсин каждое утро, также вставал пораньше. На завтрак для них было не менее трех блюд. В то время Дин Сяовэй думал, что он обычный парень, живущий в его доме, который умел хорошо готовить. Но правда заключалась в том, что он не принадлежал его миру.

Дин Сяовэй ополоснулся и вышел.

Конечно же, он увидел, как Чжоу Цзиньсин в красном фартуке с овечкой, который выбрала Лин Лин, что-то готовил у плиты, он нагнулся, потом выпрямился.

Услышав звук шагов, Чжоу Цзиньсин повернулся и мягко улыбнулся ему, как бесчисленное количество раз за те полгода.

Дин Сяовэй почувствовал боль в сердце. Какая знакомая сцена, если бы за прошедшие месяцев не произошло так много всего, он бы подошел и обнял его сейчас, как множество раз за те шесть месяцев.

Дин Сяовэй покачал головой и шутливо сказал: «Разве ты не богатый человек? Где ты научился навыкам домохозяек?»

Чжоу Цзиньсин не рассердился и легко ответил: «Когда я был молод, обо мне никто не заботился. Я должен был делать все сам».

«Никто не заботится о тебе? Разве тебя не должны были обслуживать несколько слуг».

Цзиньсин повернул голову и взглянул на него, затем сказал со смешком: «Разве ты не знаешь, я незаконнорожденный ребенок».

Дин растерялся: «А ... кажется, слышал».

«У моих родителей в то время у каждого была своя семья, они провели одну ночь друг с другом. Моя мать и ее муж были светловолосые, и никто не думал, что у новорожденного ребенка будут черные волосы. Это большая богатая семья со сложившейся репутацией, и она не могла себе позволить ее потерять, поэтому меня отослали. Мой дед, как ты, наверное, знаешь, Чжоу Тайань считает меня ублюдком смешанных кровей. Поэтому мой отец не мог меня забрать в то время, сейчас дед немного смягчился. Моя мать не могла меня принять, у них с мужем уже был сын. Поэтому, когда я был ребенком, то никому не был нужен. Я жил в большом доме в Женеве, с двумя слугами, но они не заботились обо мне, поэтому я готовил и обслуживал себя сам. Поэтому привык все делать с детства».

Дин Сяовэй слушал, как Цзиньсин рассказывает о своем детстве, как грустную сказку, чувствуя разочарование и боль в своем сердце, он не знал, что сказать.

Чжоу Цзиньсин осторожно сжал пропаренные булочки в руках и придавал им форму кролика: «Я сам выучил китайский язык, и как готовить китайскую еду».

Слова застряли у Дин Сяовэя в горле, прежде чем он смог их выплюнуть: «Ах, тебе было нелегко, когда ты был маленьким».

Чжоу Цзиньсин ответил: «Теперь, когда я думаю об этом, на самом деле ничего страшного в моем детстве не было. Когда я был ребенком, у меня было много карманных денег. Меня никто не контролировал и я мог играть, во что хотел. Я жил очень комфортно, но я не мог думать об этом, как о преимуществах в то время».

Дин Сяовэй не мог не спросить: «Ты действительно ненавидишь семью Чжоу?»»

Чжоу Цзиньсин улыбнулся и сказал: «Почему я должен ненавидеть семью Чжоу? Мне нужно только приложить немного усилий, чтобы унаследовать большое состояние. Я благодарю их за то, что у них не было времени обратить на меня внимание. Где в мире я смог бы найти способ, так быстро разбогатеть.»

Дин Сяовэй был расстроен. Он чувствовал, что лицемерное и темное сердце Чжоу Цзиньсина, вероятно, стало таким, когда он был ребенком и никто о нем не заботился..

<http://bllate.org/book/12814/1130480>